

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-31

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки — *Елисей Жбанов*

Иллюстрация на обложке — *Ева Эллер*

Иллюстрации в блоке — *Константин Соколов*

Овечкин, Эдуард Анатольевич.

О-31 Акулы из стали. Ноябрь : [сборник рассказов] /
Эдуард Овечкин. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
352 с. — (Легенда русского интернета).

ISBN 978-5-17-121747-1

Проза Эдуарда Овечкина, одного из немногих успешных писателей-маринистов постсоветского пространства, обязательна к прочтению всем, в ком жив интерес к русской литературе. Она про нас сегодняшних, флотских и штатских, способных, как доказывает Овечкин, жить «дружным экипажем». Она сделана мастерски, читается влет, с неудержимым смехом и слезами сердца. Она насквозь позитивна, что по нынешним временам тоже редкость. И, наконец, от книги к книге она становится лучше. Сборник, который у вас в руках, его одиннадцать рассказов и повесть — тому подтверждение.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121747-1

© Э. Овечкин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

РАССКАЗЫ

ШИНЕЛЬ

— Знаешь, вот не надо вот этого вот, не начинай даже! Сам завел этот разговор, так теперь будь уж так добр! А то что ты, как баба, да простят меня бабы, сливаешься?! Я тебя не трогал: шел себе и шел... куда-то... А ты, раз прицепился ко мне, так имей уже терпение и дослушать. А иначе зачем тогда было спрашивать? Не, ну зачем, ответь? Из вежливости? А выходит теперь, что хамство какое-то, да. На чем я там остановился, не напомнишь? А, точно! На несправедливости. Я же не потому, что просто копытами искры секу, я же по делу! Понимаешь? Я же не случайный на флоте человек! Я карьеру инженера на заводе, как его там, не помню, который выпускает эти... которые по рельсам еще, ну... а, — вагоны же, тьфу ты, — отринул на корню ради флота! С батей, знаешь, спорили: иди, говорит, в техникум, я тебя к себе мастером и сразу на заочку, а потом на мое место пойдешь — и все, считай, жизнь в кармане у тебя! А я же с детства, с детства самого — вот таким вот еще был, сопли рукавами вытирал, а уже чувствовал, что не мое это, — ну не мое, и все тут! Романтики хотелось, вот этого вот всего: черного с золотым, белых перчаток, брызг соленых, ветров, женщин! Не, ну женщин не с самого детства хотелось,

а потом уже... Короче, ты меня понимаешь. Да, согласен — надо было в минеры идти, а не в электрики, тут я промахнулся мальца. Брызги есть, но не те, не те... Электролит не в счет — кто же о брызгах электролита мечтает, да? Ну так и я о чем! Но все равно, знаешь, надо же кому-то и это! Ну не могут же все быть минерами — сам посуди, приходишь на корабль, а там одни минеры! И что? И все: пьянство, разврат и картежные игры в избытке. А вот в море чтоб выйти, так это разве что под веслами. А тут мы — электрики! На нас же все и держится, чего тут, правильно? Чуть что — все к нам же! И я, знаешь, на хорошем счету был, карьеру планировал уже, думал — инженером в автономку схожу и командиром группы сделаю... Ну ладно, вакансии нет, схожу еще в одну: тогда-то уж точно! А тут перед самой автономкой присылают этих двух лейтенантов: один пьяница, а второй — пьяница. И, блядь, после автономки начинаются подвижки, и одного, вот этого, который пьяница, назначают командиром группы вместо меня! Нет, ну где это видано? Ты возмущен? Вот и я тогда, знаешь, вспылал прямо. Как есть психанул, хоть на меня это совсем не похоже. Но прямо вот не выдержал. Рапорт даже написал, да. Разберитесь, мол, что это за кумовство такое, заместо справедливого распределения благ. И ответили мне знаешь что? Вот смеяться сейчас будешь, я тебе гарантирую: ты, говорят, на своем месте инженера больно уж хорош, а до командира надо бы тебе еще подрасти над собой, ведь у тебя то турбогенераторы падают, то срач в отсеке и сифилис в трюме. Нет, ты слышал, да — турбогенераторы падают! А у кого не падают?! Нет, ты мне скажи — у кого не падают? Нет, скажи! А я тебе сам скажу — кто не поднимает, у того и не пада-

ют! Ну упал раз, ну так что, бля? Ладно, три раза. Случаются и такие случайности, да, ну так что теперь? Сифилис в трюме! Не ну ты слышал! А в седьмом трюме вы видели? Был ты в трюме седьмого у нас? Ну. Видел же, что там творится! Потом, конечно, успокоился я, взял себя в руки. Остыл. Отношения похолодели, само собой. Пришлось подогреть, и сейчас вот тоже, видишь, подогреваем, ну нормально уже все. Ладно, куда я тороплюсь, правильно? Подожду. Просто комбатом не сделают из инженеров, конечно, а я и намного выше мечу. Нет, ну а что? Тринадцать морей омывают Россию — ты знал? А вот. И что — места мне там нигде не найдется? Найдется еще как! А в группаны хотелось, да. Оклад там побольше, но не принципиально, не то чтобы прямо совсем. Можно жену же на работу отправить, для наполнения семейного бюджета, а то чего она? Пусть из декретного только выйдет. Хотя она тоже начинает: давай может второго сразу? Да подожди, говорю, давай этого хоть в садик отдадим! Я-то детей люблю, да, особенно сам процесс, но на службе, бывает, умотаешься в ноль, домой приползешь, а тебе: «Сходи с Ванечкой погулять!» Блин, Лена, а ты что весь день делала, а? Ну убралась, ну наготовила, постирала и в магазин ходила, это понятно. А делала-то что, а? А тут двое. И оба маленькие. Это же... Не, говорю, давай пока того... предохраняться. Как мы их с тобой, двоих-то? Маленьких... да. Обиделась. Ну ладно, понятно, что ей еще делать — заняться-то нечем, вот сидит и обижается. Не понимает. Никто почти меня не понимает... Ты вот только, да, хоть вот поговорю тут. Выговорюсь. Легче глядишь и станет. А и нет, так и что с того — что нам, привыкать, правильно? Что мы, легких путей когда искали? Ты-то искал небось,

признавайся? Да ладно, чего там, говори уж как есть — я же тебе видишь как на духу все выкладываю. А я-то вот — нет. Где трудно — там и я. Сразу и без предварительных ласк. Надо концы тягать? Говно вопрос! Солярку грузить — вообще, что чаю стакан хлопнуть! И ездят все, понимаешь? Пользуются. Ну пусть, что мне, зато уважают! Не, ну что ты головой машешь — точно тебе говорю: уважают! А карьера что — карьера подождет, куда мне спешить? Я еще бурки за икону не скоро собираюсь закидывать: мне цыганка нагадала девяносто шесть лет и даже денег не взяла, так что, выходит, от души и подожду, ладно, не скисну... И второго рожу и третьего, глядишь. А там как пойдет! У Антоныча вон четверо, а посмотри на него: цветет и пахнет, да? Ну так и я о чем. А может и правда — второго? Не знаю, не знаю, ты вот меня не уговаривай — вам со стороны чего? А это ответственность же! И на меня в основном... Тут думать надо. Хотя вот Ванечка, знаешь, когда ручками вот так вот делает и улыбаается, так прямо хорошо на душе становится — у тебя дети-то есть? Надо, чтоб были! Дети — это цветы, понимаешь, не помню кто из классиков сказал, но был прав. Все с ними по-другому, я тебе говорю! И котлеты вкуснее, и жена... Блин, день рождения же у нее скоро, это же надо подарок какой придумать, а что тут придумаешь — «Военторг» и «Хозтовары». В прошлом году сковородку ей подарил — хорошую, дорогую. Обиделась, хотя старалась виду не показать, но я-то вижу... Не первый день, знаешь. Нет, ну а что ей — мотоцикл подарить? Да сдался он ей — она и водить-то не умеет... Да и я не умею. Ну и на кой нам тогда этот мотоцикл? И что вот? Ей-то хорошо — пену для бритья в пакетик завернула, и вот тебе, Васечка, от всей души.

Слушай, а может тоже шампунь ей какой купить или тушь? А ты в тушах не разбираешься? Нет? Ну и я ни в зуб ногой... Надо будет посоветоваться с кем. А мысль-то хорошую ты мне подсказал! Не зря говорят, что две головы лучше, чем одна! А ты сам-то где служишь? Что-то я у нас в дивизии не видел тебя... В одиннадцатой, что ли?

— Вася, — из кухни выглянул механик, — а где наши сигареты?

— Сигареты?

— Ну да.

— Какие, простите, сигареты?

— Те самые, за которыми мы тебя и послали, сигареты. Наши, я же сказал.

— Так а я не курю ведь!

— Так поэтому тебя и послали, что не куришь. Ну и?

— Ну... и?..

— Ну и где они?

— Кто они? А! Вы про сигареты?

— Угу. Нам на подъем флага выходить уже скоро, а уши-то пухнут.

— Да я тут, того... — Вася повернулся к вешалке и заморгал. — Ну... как бы это сказать...

— С шинелью моей сорок пять минут разговариваешь. Так это как бы и сказать, Вася. Я уже даже начал было ревновать оттого, как ты ее за пуговицы трогаешь, но потом думаю — ладно, что мы из-за шинели какой-то будем тут, да?

— Э... да... как... с шинелью...

— Да я никому не скажу, не ссы. Хотя кого я обманываю. Все и так видели... — механик кивнул в сторону кухни. — По

очереди выглядывали. Хафизыч, говорят, ты смотри, а то уболтает сейчас ее, шинелку твою, будешь потом локти кусать, как уведет.

— Уффф... надо же...

— Да, Вася, алкоголь пить — это тебе не в космос летать.

Тут осторожность нужна. Так сходишь?

— Да, схожу сейчас. А куда сходить-то?

— За сигаретами нам, Вася, все еще туда.

— А, ну да, точно! Я быстро! Цвайминутен!

— Ага, ага. Ты только это... Не разговаривай ни с кем по дороге, я тебя как старший товарищ прошу. И ни с чем тоже.

— Да я уж того... наговорился. Я мигом! — крикнул Вася уже с лестницы.

А механик вернулся к нам на кухню и спросил:

— Ну так что: продолжим терпеть или еще кого пошлем?

— А Вася?

— А Вася, поверьте моему опыту, сегодня уже не вернется.

В ТУМАНЕ

Зябко. Туман такой густой, что не сразу понятно: то ли это подводная лодка плывет по морю, то ли аэростат летит по облаку. Спереди — ни зги, сзади — ни зги, по левому борту едва виден красный ходовой огонь, по правому зеленый — чуточку лучше, но кому они светят? Внизу моря будто и нет, хотя им пахнет, и оно там точно есть и даже иногда плещется по бортам, но звук не такой, как обычно, а глухой, посторонний. И где-то должна быть полная луна, и она наверняка где-то и есть, и можно даже показать пальцем в ту сторону, сверившись с картами. Показать можно, а вот увидеть — нет.

Старпом на мостике страдает. Он же не привык ждать милостей от природы, а тут природа возьми да и расставь все по местам: извините, мол, товарищи военморы, но у меня сегодня меланхолия, и сколько вы ни стреляйте в меня своими красными ракетами, а я буду хандрить. Спасибо за внимание. До свидания. Вот вам, кстати, еще белый туман.

На резине конденсируются капли, и от того резина кажется жирной — капли сидят на ней плотненько, пузатенькие такие, дрожащие. Прозрачные. И если тронуть их пальцем аккуратно, чтоб не раздавить, они тут же срываются вниз по

покатому борту рубки и весело исчезают в тумане, оставляя за собой пунктирные следы из махоньких таких капелек, своих, видимо, детишек. Но в воздухе сыро, и долго с капельками не поиграешь. Вахта началась недавно, но все уже успели и вдоволь наговориться, и всласть намолчаться, и делать-то больше нечего, кроме как следить за курсом.

- Боцман, на румбе!
- Проходим двести семьдесят, ложимся на курс триста!
- Есть, боцман!

Скорость маленькая, и лодка слушается руля неохотно — поворачивается на новый курс долго, по сильно пологой дуге. Вверху висит огрызок флага, периодически просыпается и лениво хлопает, брызгаясь водой. Надо бы не забыть штурмана взбодрить по этому поводу: меньше половины уже осталось от синего креста — никакой солидности.

Вахтенный офицер тянется к рычагам «Тифона» и «Сирены».

- Ну-ка дай-ка я! — отодвигает его старпом.

Хоть вахтенный офицер и минер, с подачей сигналов он точно справился бы и самостоятельно, но старпому не вмоготу рулить кораблем и не рулить им одновременно от невозможности и бесполезности этого занятия. Хоть бы врезался кто, и то веселее было бы!

Сначала два раза «Тифон»: басовито и низко так, что вибрируют пломбы и дрожат напуганные капли на стекле, а ру-

левой морщится и оборачивается в сторону мостика — ревет ведь у него над головой. Потом «Сирена», тоже дважды, но высоко, визгливо, будто захлебываясь в истерике, — рулевой снимает перчатки, хлопает себя по мокрым карманам тулупа и, отыскав сигареты, закуривает. Пару минут тишина. Все слушают, не отзовется ли кто. И на миг кажется, что отзывается. Старпом даже сдергивает шапку, чтоб лучше слышать.

— Да? — спрашивает он у минера.

— Нет. Эхо вроде.

— Да, вроде как оно. Один черт, не понять ни направления, ни дистанции. Ты там куришь снова?

— Нет, что вы, Сей Саныч!

— А дым откуда?

— Из ушей! Дудите там, как не в себя! Мозги лопнут уже скоро!

— Откуда у тебя мозги? Были бы мозги — пошел бы в военное училище, а не сидел бы рулевым всю жизнь!

— А рулевым тогда кто бы сидел?

— Тоже верно. Кроме тебя и некому, хоть ты и без мозгов. Чаю будешь?

— Можно, да.

— Ну сбегай вниз и мне заодно сделай.

— И мне, — минер топает по коротенькому трапу сверху, подменить рулевого. Лишние слова им не нужны — все и так знают кто, что и когда делает.

— На румбе двести девяносто, ложимся на триста. — Боцман знает, что минер это тоже знает, но порядок на то и порядок, чтоб все было в порядке.

— Есть двести девяносто на триста. Мостик на румбе двести девяносто, ложимся на триста!

— Есть, смену рулевого разрешаю!

Хоть за чаем сходить, хоть на абордаж сбегать, а все должно быть так, как должно быть, а иначе какой же это военно-морской флот? Разве что мотострелковое подразделение, набранное двадцать восьмого декабря из скрывавшихся ранее резервистов.

— БИП¹, мостику! — кричит старпом в переговорное устройство.

— Есть БИП! — Голос у БИПа ленивый, расслабленный в тепле и мерном жужжании центрального.

«Спит, сука!» — думает старпом.

— Обстановка?

— Горизонт чист!

— Спишь, сука?

— Никак нет, мостик!

— Смотри у меня! И если что там — сразу доклад! Немедленно! Как понял?

— Есть доклад немедленно.

— Спит там, сука, представляешь? — кричит старпом минеру.

Минер встrepенулся: тоже задремал, — внизу так же холодно, как и на ходовом мостике, но хоть не так сыро и лампы вон светят, а от них кажется, что теплее. На румбе — триста пять градусов, проскочил курс, тихонечко руль влево — авось не заметят.

¹ БИП — боевой информационный пост.

- Мостик, штурману!
- Есть штурман.
- Рекомендую задержаться на курсе триста!
- На румбе? — не понимает старпом, который как раз на этот курс и ложился.
- Триста три, — врет минер, — устаканиваю!
- Тоже там спишь, собака бешеная?
- Никак нет!
- «Никак нет», — дразнится старпом. — Есть штурман, задерживаемся на курсе триста! Дружок твой, рогатый, уснул на руле!
- Не друг он мне после того случая на Яграх!
- А сам виноват! — кричит минер. — На румбе триста!
- Есть триста! Штурман, смотри, на румбе триста!
- Подтверждаю. Есть триста.
- Штурман, мостику!
- Есть штурман.
- Так что там было, на Яграх-то?
- Так я вам три раза уже рассказывал!
- Да делать мне нечего, херню эту вашу помнить! Расскажи еще раз, язык у тебя отвалится?

- Все веселитесь тут, да? — На мостик поднимается командир с термосом, и от него пахнет теплом, и туман в недоумении клубится поодаль, боится подступить поближе, но недолго. — На, тебе боцман чай вот передал.
- На румбе триста, — докладывает старпом. — Видимость — ноль, слышимость — ноль, следуем в полигон по приборам. А сам-то где он?
- Боцман? Пописать побежал.